

И все же предложенная Кеннеди модель взаимодействия политики и экономики в какой-то мере приближается к тому, чтобы придать процессу отчетливую динамику. Ученый высказывает гипотезу о том, что "подъем" начинается с необычайно быстрого экономического роста (E+), который влечет за собой повышение военной мощи (M+). Сочетание этих двух факторов объясняет "взлет" великой державы. Но наращивание военной мощи истощает ресурсы, изымая их из экономики (E-), а ослабление экономики, в свою очередь, подрывает военное могущество (M-). Это модель адаптационного типа, которая полностью охватывает процесс и "взлета", и "падения"; она включает в себя четыре предельно общие фазы, но периодичность их смены не уточняется и не ставится вопрос о верификации (чего, впрочем, мы и не ожидали от исторического исследования). Кроме того, нетрудно заметить, что данная модель фокусирует внимание на адаптивном взаимодействии экономики и политики. Что же касается нашей модели, то она делает упор на фазовом членении политического процесса и использует более сложную формулу при выявлении "интерактивных" (или коэволюционных) эффектов (ср. Часть II настоящего исследования).

Мы объяснили восхождение отдельных держав к мировому лидерству, но ни в нашем обзоре, ни в работе Кеннеди не затрагивался вопрос о преемственности [глобального лидерства] или [его] "родословной". Почему в обоих случаях выделенные мировые державы образуют содержательную последовательность, а не случайный набор сильных государств? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны расширить наш временной горизонт еще на 500 лет и более тщательно проанализировать контекст, в котором осуществляется процесс отбора. И в том, и в другом отношении мы выходим за те рамки, которых придерживаются Кеннеди и большинство других современных исследователей данной проблематики.

- Abrams R. 1980. *Foundations of Political Analysis: An Introduction to the Theory of Collective Choice*. N.Y.
- Axelrod R. 1984. *The Evolution of Cooperation*. N.Y.
- Dawkins R. 1988. *The Blind Watchmaker*. N.Y.
- Gilpin R. 1981. *War and Change in World Politics*. N.Y.
- Goldstein J. 1988. *Long Cycles*. New Haven.
- Kennedy P. 1987. *The Rise and Fall of Great Powers, 1500 — 2000*. N.Y.
- Modelski G. 1978. The Long Cycle of Global Politics and the Nation-state. — *Comparative Studies in Society and History*, vol. 20, № 2.
- Modelski G. 1987. *Long Cycles in World Politics*. L.
- Modelski G. 1990a. Is World Politics Evolutionary Learning? — *International Organization*, Winter.
- Modelski G. 1990b. Global Leadership. — Rapkin D. (ed.) *World Leadership and Hegemony*. Boulder.
- Modelski G. 1991. World System Evolution: a Learning Model. — *ISA annual meeting*, Vancouver, April.
- Modelski G., Thompson W.R. 1988. *Seapower in Global Politics 1494 — 1993*. L.
- Rasler K., Thompson W.R. 1994. *The Great Powers and Global Struggle 1490 — 1990*. Lexington.
- SIRPI Yearbook*. 1991. Washington.
- Thompson W.R. 1988. *On Global War: Historical-Structural Approaches to World Politics*. Columbia.
- Wallerstein I. 1984. *The Capitalist World-Economy*. N.Y.
- Wesson R. 1991. *Beyond Natural Selection*. Cambridge.
- Whiteneck D. 1993. Global Leaders and the Evolution of Coalitions: The British Trading Community 1740 — 1792. — *Annual Convention of the International Studies Association*, Acapulco, March.

Окончание следует

РАЗРЫВЫ ПРАВОВОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ИСТОРИИ РОССИИ XX в.

А.Л. Алюшин

НЕПРАВОВОЙ ИСТОЧНИК НЫНЕШНЕГО КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СОСТОЯНИЯ

На фоне тревожных разговоров о том, что для решения "проблемы-2008" власть может выйти за пределы существующего конституционного поля, само это поле представляется чем-то незыблемым, покоящемся на вполне прочном правовом фундаменте. Ведь Конституция, закрепившая нынешнее государственное устройство России, получила одобрение в ходе референдума, т.е. на высшем уровне народного волеизъявления.

Но действительно ли ситуация так проста и безупречна в правовом плане? Отнюдь нет. Вспомним, что толчок тому процессу, который привел к принятию новой Конституции и выборам во вновь учрежденный парламент, был дан Указом Президента РФ от 21 сентября 1993 г. "О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации". В соответствии с этим документом функционирование Съезда народных депутатов и Верховного Совета России прерывалось, а действие большинства положений тогдашней Конституции приостанавливалось.

В преамбуле Указа в качестве одного из его обоснований фигурировал тезис, что "безопасность России и ее народов — более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти". Указ устанавливал также, что "Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации продолжают действовать в части, не противоречащей настоящему Указу" (п. 1, ч. 2).

Вполне очевидно, что в период с 21 сентября по 12 декабря 1993 г., точнее, до вступления в силу Конституции и утверждения тем самым новой системы законности, Президент действовал как нарушитель формальных законов, существовавших ко времени издания его Указа. Сам Ельцин это сразу и открыто признал. Иначе говоря, новое правовое состояние, установившееся с принятием Конституции, возникло как результат действий лица, находившегося во внеправовом поле. Указ от 21 сентября 1993 г. являлся фактором силы, а не права. Он выпадал из прежней системы законности и разрушал ее, но не поддерживался и новой системой, поскольку таковой еще не было. Начало новому правовому ряду было положено во внеправовом пространстве.

Принципиально важны два дополнительных обстоятельства. Во-первых, Президент решающим образом повлиял на содержание выносимого на референдум проекта Конституции. Проект составлялся под полным его контролем. Во-вторых, в нарушение закона о референдуме от 16 октября 1990 г., порог прохождения проекта был произвольно снижен вдвое. Согласно новым правилам, Конституция считалась утвержденной, если во всенародном голосовании приняли участие более половины зарегистрированных избирателей и свыше половины из них проголосовали "за"

АЛЮШИН Алексей Львович, кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры теоретической политологии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

* Напомню, что 12 декабря 1993 г. в поддержку Конституции высказались 58,4% при явке 54,8%, т.е. реально ее одобрило менее трети электората.

Таким образом, действия Президента в сентябре-декабре 1993 г. отнюдь не сводились к простому устранению политических препятствий на пути принятия народом собственного решения о будущем государственном устройстве страны. Президент в значительной степени предопределил и конкретное наполнение данного решения, и те правила, по которым оно должно было приниматься. И это понятно, поскольку иначе он мог оказаться в положении, противоположном тому, о котором говорят: победителей не судят.

Оставим пока в стороне анализ правового смысла президентских действий и подчеркнем один момент. В данном случае мы имеем дело с перерывом правовой постепенности — скачком из одного правового состояния в другое, от одной системы законности к другой, осуществленным в неправовом поле.

ПЕРЕРЫВЫ ПРАВОВОЙ ПОСТЕПЕННОСТИ

С аналогичным перерывом правовой постепенности Россия вместе с другими союзными республиками столкнулась и двумя годами ранее, 8 декабря 1991 г., когда главы Белоруссии, РСФСР и Украины подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств, фактически объявив о роспуске СССР. На это прямо указывает, в частности, ст. 11 Соглашения, в соответствии с которой “на территориях подписавших его государств не допускается применение норм третьих государств, в т.ч. бывшего Союза ССР”. В качестве юридического обоснования данного акта использовалась ссылка на то, что эти три республики были учредителями СССР, подписавшими Союзный договор 1922 г., и потому могут денонсировать его.

Аргументы противников Соглашения заключались в основном в следующем. Во-первых, Конституция СССР, наделяя каждую из союзных республик правом на выход из него, не предусматривала возможности ликвидации самого Союза. Во-вторых, даже если признать допустимость единовременного роспуска Союза, принимать соответствующее решение должны были все входящие в него республики, а не только три из четырех первоначальных учредителей СССР. Ведь не уполномочены же 13 штатов, когда-то объединившихся в федеративное государство, распустить США. В-третьих, при любых условиях подобное решение не может приниматься за закрытыми дверями руководством республик без учета воли проживающих в них народов.

В сущности, из всех упомянутых аргументов правовую силу имеет лишь первый. Самим фактом подписания Соглашения, независимо от вескости лежавших в его основе политических соображений, главы трех государств недвусмысленно нарушили действовавшую Конституцию, тем самым переведя себя во внеправовое состояние. Формально новое правовое состояние должно было наступить с ратификацией Соглашения законодательными органами республик, что впоследствии и произошло.

Намеренная размытость использованных в Соглашении формулировок указывает на то, что у его инициаторов не было ясного представления о правовом смысле и обоснованности совершаемых ими юридических действий. Документ гласил: “Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина, как учредители Союза ССР, подписавшие Союзный договор 1922 г. ... констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование”. Другими словами, стороны побоялись прямо оформить свое решение как юридический акт роспуска Союза и ограничились крайне двусмысленной “констатацией прекращения существования”.

Наконец, обратимся к ситуации, предшествовавшей образованию самих РСФСР и СССР. Февральская революция 1917 г. и отречение монарха от престола означали скорее не разрыв, а изменение правового состояния Россий-

ской империи. С точки зрения преемственности государственной власти Временное правительство имело достаточную правовую основу. Оно не отменило царское законодательство и, несмотря на восстановление Конституции Финляндии и принятие декларации о создании в будущем независимой Польши, продолжало придерживаться политики “единой и неделимой России”.

Переход во внеправовое состояние и перерыв правовой постепенности произошли с низложением Петроградским военно-революционным комитетом Временного правительства и последовавшими за этим юридическими актами новых правителей. Важнейшим из таких актов была “Декларация прав народов России”, подразумевавшая “рассыпание” и свободную “пересборку” государственно-территориального устройства Российской империи.

Правда, предполагалось, что все произведенные большевиками преобразования имеют условный характер и будут представлены на рассмотрение Учредительного Собрания. Только принудительно распустив последнее, большевики сделали выход из прежнего правового состояния необратимым. Свершившаяся трансформация получила юридическое закрепление на III Объединенном съезде Советов в январе 1918 г., когда была принята “Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа” и учреждена РСФСР.

Итак, в российской истории XX в. можно выделить по меньшей мере три точки перерыва правовой постепенности и необратимого перехода в новое правовое состояние: январь 1918 г. (формальное утверждение статуса России как Республики Советов и образование РСФСР), декабрь 1991 г. (ликвидация СССР и превращение Российской Федерации в суверенное государство) и декабрь 1993 г. (принятие Конституции, закрепившей обновленное государственное устройство России).

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Из приведенного выше обзора следует, что российская правовая традиция обладает четко выраженной спецификой. В отличие от Англии, чью правовую традицию можно сравнить с ветвистым деревом, вот уже более трех столетий растущим из одного корня, а также от США, с момента своего создания не знавших перерывов правовой постепенности, и даже от Германии, которая после официального осуждения нацистского строя как преступного вошла в радикально отличное от прежнего правовое состояние, начав как бы с нуля, в России XX в. каждое последующее правовое состояние предварялось перерывом правовой постепенности. Образно говоря, мы видим здесь как бы три поставленных друг на друга конуса, каждый из которых расширяется из точки неправового акта до более или менее утвердившейся системы законности и затем снова коллапсирует в точку неправового акта.

Другая отличительная черта российской правовой традиции заключается в том, что, хотя в момент смены правового состояния прежняя система провозглашается несостоятельной, “порочной” в политическом и иных смыслах, новая система наследует целый ряд элементов ее легитимации. В первую очередь это касается государственно-территориального устройства страны. Так, вопреки объявлению СССР отжившей и более негодной оболочкой империи, возникшая на его развалинах Российская Федерация продолжает апеллировать к “общей судьбе” проживающих на ее территории народов и “исторически сложившемуся государственному единству” (см. Преамбула Конституции РФ).

Одна из главных трудностей легитимации нынешнего государственного устройства состоит в том, что до сих пор не дана ни официальная, ни основательная теоретическая оценка тому, как соотносятся между собой сменявшие друг друга на протяжении 1918 — 1993 гг. правовые состояния, т.е. фактически четыре российских государства. И речь здесь не просто о декларировании

правопреемства и признании или отказе от внешних долгов. Такая оценка, в т.ч. со стороны высших судебных органов, была бы крайне важна для понимания правовой преемственности российской государственности в XX в.

Квалификация неких действий или организаций как неправовых или преступных должна влечь за собой определенные правовые последствия. Прежде всего это относится, конечно, к КПСС и учрежденным ею государственным институтам. К сожалению, Конституционный Суд России в свое время уклонился от общей оценки деятельности КПСС с позиций права, ограничившись частными моментами. Но ведь независимо от сроков давности и от того, есть ли возможность привлечь конкретных лиц к ответственности, вопрос о государственно-правовых последствиях действий КПСС далеко не закрыт. Его нерешенность содержит в себе серьезный дестабилизирующий и делигитимирующий потенциал.

Действительно, если признать КПСС неправовой организацией, как можно считать законными и легитимными то внутреннее государственно-территориальное деление и ту линию внешних границ, которые унаследовала современная Россия? Аналогичным образом, если Верховный Совет России, который ратифицировал Соглашение, послужившее основой роспуска СССР, сам был распущен как законодательно и политически несостоятельный, то какова ценность его юридических действий и в какой мере они должны считаться обязывающими?

УТИЛИТАРНЫЕ ОБОСНОВАНИЯ И ПРАВО

Сложность определения правовой состоятельности актов, совершенных в неправовом состоянии, связана с тем, что российской государственно-правовой традиции чужды идеи естественного права и права справедливости. Естественное право задает некие абсолютные критерии для оценки и сравнения различных систем писаного права; право справедливости применяется в тех случаях, когда формальный закон молчит, но ситуация предполагает необходимость правовой оценки. В отличие от западных стран, где эти правовые идеи чрезвычайно важны, в России утвердилось позитивистское понимание права, сводящее его к формальному закону.

Данная черта российской правовой традиции имеет самое непосредственное отношение к вопросу о перерывах правовой постепенности.

Во-первых, прямым следствием такого понимания права является парадокс самооправдывающих систем законности. Если нет никаких высших правовых критериев, то, признав, что КПСС соблюдала ею же и введенные законы, мы должны квалифицировать ее действия как безупречные в правовом плане. Если КПСС нарушала законы, то оценку ее действиям можно дать опять-таки только изнутри установленной ею правовой системы. Здесь нельзя использовать ни предшествующую, ни последующую правовую систему, ибо первая не является действующей, а в отношении второй применим принцип, что закон обратной силы не имеет. Таким образом, в российской традиции мы видим набор замкнутых на себе законодательных систем, которые не опосредуются никакими высшими, общими для всех правовыми критериями или учреждениями*, правомочными оценивать сами эти системы.

Во-вторых, в подобной ситуации главным основанием для принудительно-го смещения прежних институтов и нормативных систем служат не аргументы права, а утилитарные доводы, которые в большинстве случаев относительны и создают почву для произвола. В отсутствие идеи права как вышестоящей ценности снижается и ценность закона как такового, устраняются несменяемые правовые ориентиры политической и государственной жизни.

* В этом качестве теоретически могли бы выступать, например, монарх, или несменяемый конституционный суд, или некая церковная инстанция.

Между тем утилитарные доводы способны порождать эффект бумеранга в отношении тех новых установлений, которые приходят на смену прежним. Ведь если решение о роспуске СССР оправдывалось ссылками на его неэффективность как государства и бессодержательность как геополитического образования, то почему это нельзя констатировать и применительно к Российской Федерации как ядру и скрепляющей основе Союза? Если был отвергнут аргумент, что роспуск СССР подрывает могущество и историческую целостность российского государства, то велика ли легитимирующая ценность подобного аргумента в противостоянии сепаратистским устремлениям отдельных субъектов РФ?

Доминирование утилитарной аргументации наглядно проявилось в Указе "О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации". В обоснование решения о прерывании деятельности верховного законодательного органа страны там приводились следующие доводы: противодействие данного органа осуществлению реформ и обструкция политике Президента, свертывание конституционной реформы, угроза безопасности, падение авторитета государственной власти и даже систематическое нарушение регламента и "неудовлетворяющее парламентским стандартам качество работы". Как не вспомнить тут слова Высочайшего манифеста от 3 июня 1907 г. о роспуске Государственной Думы: "К прискорбию нашему, значительная часть состава второй Государственной Думы не оправдала ожиданий наших".

В Указе лишь вскользь упомянуты попытки Съезда и Верховного Совета присвоить не свойственные им функции органов исполнительной и судебной власти. А ведь здесь мог бы содержаться — но даже не был развернут — основной и практически единственный собственно правовой аргумент в его пользу*.

С внесением в ст. 104 тогдашней Конституции поправки о том, что "Съезд народных депутатов Российской Федерации правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации", Съезд поставил себя в положение узурпатора федеральной государственной власти. Он прямо нарушил положение Конституции о разделении властей как "незыблемой основе конституционного строя России" (ст. 1, ч. 2). Интересно, как бы прореагировал сам Съезд, если бы Ельцину удалось каким-то образом внести в Конституцию аналогичную поправку, где вместо слова "Съезд" фигурировал бы "Президент"? Но чем коллективный узурпатор лучше индивидуального?

Правовое основание действиям Президента давала принятая им присяга (ст. 121⁴ Конституции) с клятвой "соблюдать Конституцию Российской Федерации". Эту клятву он фактически и выполнил, в качестве высшего должностного лица осуществив меры, направленные на восстановление принципа разделения властей. С позиций права справедливости (право понимается здесь как отличное от формального закона) данная цепочка аргументации представлялась бы вполне мотивированной и не требовала бы привлечения эклектичного набора утилитарных и местами весьма слабых доводов.

ПЕРЕХОД ОТ НЕПРАВОВОГО СОСТОЯНИЯ К НОВОЙ СИСТЕМЕ ЗАКОННОСТИ

Из неправового состояния существуют три выхода:

- возвращение к прежнему правовому состоянию;
- постепенное перерастание неправового состояния в новую систему законности;
- узаконивание неправовых действий посредством некой признанной процедуры.

* Что касается аргумента об обеспечении безопасности, то его нельзя признать убедительным, поскольку на момент подписания Указа о разрыве отношений СССР с СССР...

Возвращение к прежнему правовому состоянию возможно лишь при условии, что с момента неправового акта прошло не слишком много времени и сохранились физические или юридические лица, заинтересованные в восстановлении своих прав. Поэтому данный способ применим главным образом к тем государствам, в которых старая система законности пала не в силу внутреннего органического развития, а под внешним принудительным воздействием, как это случилось в Прибалтике и большинстве стран Восточной Европы. Не случайно в Литве и Эстонии при решении вопроса об имущественных правах был использован именно этот принцип.

Очевидно, что в ситуации, когда государство пережило несколько последовательных перерывов правовой постепенности и элементы сменявших одна другую систем как бы вросли друг в друга, осуществить возврат к прежнему состоянию крайне сложно. Если гипотетически предположить, что Россия решилась на такой шаг, то тут же возникает вопрос: к какому именно из прежних состояний ей надлежит вернуться? К монархии, Временному правительству, Учредительному собранию, Республике Советов, Советскому Союзу?

Путь *эволюционного перерастания неправового или силового акта в систему законности* наиболее типичен. Зарастая травой истории, сила постепенно превращается в право. Здание законности, которое возводится на фундаменте неправового акта, первоначально весьма шатком, со временем начинает поддерживать само себя. В итоге все как бы забывают, что с его происхождением "не все в порядке". Известно, например, что США как государство расположились на территориях, с которых силой было вытеснено коренное население. Но, допуская моральную критику захвата, никто всерьез не полагает, что по прошествии столетий дело можно пересмотреть с правовой стороны.

Постепенное перерастание неправового состояния в новую систему законности имело место и после захвата большевиками власти в России. Впрочем, если бы те не разогнали Учредительное собрание, а, так сказать, сложили свои победы к его стопам, о чем первоначально и велась речь, развитие событий могло бы пойти по третьему из указанных путей, т.е. по пути *узаконивания формально незаконных действий посредством признанной правовой процедуры*. Правда, еще неизвестно, утвердило ли бы Учредительное собрание действия большевиков.

Аналогичным образом предполагалось, что те чрезвычайные неконституционные меры, которые были предприняты Президентом России в сентябре-октябре 1993 г., будут подтверждены и узаконены вновь избранным парламентом. Пункт 16 Указа "О поэтапной конституционной реформе" предписывал передать последний на рассмотрение Федерального Собрания Российской Федерации. Однако изначально предусмотренная модель выхода из неправового состояния была впоследствии значительно искажена и фактически обрела вид постепенного самопроизвольного перерастания неправовых актов в новую систему законности. В чем состояли эти искажения?

Во-первых, был снят вопрос о выборах Президента России, постановка которого прямо предусматривалась Указом от 21 сентября 1993 г. Во-вторых, указы, изданные Президентом в "межконституционный" период, так и не были рассмотрены Федеральным Собранием. Причиной тому послужило отнюдь не нежелание парламента, а юридическая казуистика, к которой прибегла президентская сторона.

Указом Президента РФ от 24 декабря 1993 г. Указ "О поэтапной конституционной реформе" был объявлен утратившим силу, за исключением некоторых пунктов. Тем самым как бы исчез и предмет рассмотрения для Федерального Собрания. Получилось, что Указ от 21 сентября 1993 г. имел однократное самозамкнутое действие. Породив новую правовую реальность, он сам пе-

рестал быть видимым и в новых, и в старых правовых координатах. Когда же в Федеральном Собрании был все-таки поднят вопрос о принятии указов к рассмотрению, с президентской стороны последовало разъяснение, что по смыслу оригинальной формулировки Указа "рассмотрение" означает вовсе не "утверждение", а что-то вроде "принятия к сведению".

Но даже если бы Федеральное Собрание дало оценку президентским указам, правовое значение такой оценки оказалось бы сомнительным. Позиция этого органа, несмотря на наличие в нем сильной антипрезидентской оппозиции, едва ли могла считаться беспристрастной. Ведь не признав законность президентских действий и приняв решение о возвращении к прежнему правовому состоянию, он совершил бы юридическое самоубийство.

МИНА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ?

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что, хотя установление нового конституционного строя в России в декабре 1993 г. имело стабилизирующее и конструктивное значение, правовые основания данного события весьма противоречивы. Противоречивость эта связана как с отсутствием однозначной юридической оценки преемственности между правовыми системами, сменявшими друг друга на протяжении 1918 — 1993 гг., так и с серьезными изъянами правового механизма, с помощью которого был осуществлен переход к новому правовому состоянию. При всей своей внешней легитимности и незыблемости нынешний конституционный строй России в принципе покоится на весьма шатком фундаменте.

Способны ли такие изъяны сыграть роль мины замедленного действия? Я думаю, что сам по себе взрывной потенциал допущенных в прошлом юридических ошибок и даже серьезных правонарушений невелик. Как показывает мировой политико-правовой опыт, уже через несколько десятилетий и даже лет неровности и разломы правового поля "порастают быльем", и оно начинает восприниматься как вполне легальная и легитимная данность, как исходная система координат для оценки всех последующих правовых актов и событий.

В сущности, на этом строится вся политическая история человечества, по большей части представляющая собой историю войн, переворотов и революций, а не правовой деликатности. Если уж раскапывать преступления правителей и государств, то начинать надо с завоеваний викингов в Европе, с уничтожения Испанией местных цивилизаций в Южной и Центральной Америке, с истребления европейцами коренных племен в Северной Америке, с колонизации африканского континента Францией и страной "образцового либерализма" — Англией.

Саму Англию, которая сейчас воспринимается как оплот правовой стабильности, основательно потрясло во второй половине XVII в., Францию затрясло столетие спустя, а Россию — полтора века позже. Дело не в абсолютном иммунитете от потрясений, а в прохождении необходимых стадий развития национальной государственности и хронологическом отставании России в этом процессе.

Если смотреть на вещи реально, то выравнивание правового поля всегда заключалось и продолжает заключаться не в том, чтобы найти и поковырять все застрявшие там правовые колючки, а в том, чтобы нарастить тот дерн, который смягчает и сглаживает их, не давая мировой правовой системе увязнуть в трясины бесправия. Дерн же нарастает через совместное признание новых явлений в качестве неустранимых данностей, через включение их в правовую ткань и взаимное "отпущение грехов" в сознании как руководителей, так и целых народов. Оккупация Соединенными Штатами Ирака — явное преступление с точки зрения международного права, причем всего лишь двухгодич-

ной давности — и то воспринимается уже не с первоначальным юридическим осуждением и моральным отторжением, а со сглаженным “ну что ж теперь поделаешь...” и попыткой приспособиться к новой ситуации, встроить ее в нормальное течение политического процесса.

Мировая система права держится не за счет своей якобы абсолютности и принципиальной неопровержимости, а за счет самореферентности, взаимного поддержания одними частями других и всей конструкции в целом. Поэтому либо она “рванет” целиком, если гипотетически допустить, что появятся некие претенденты на полный передел мира, будут дезавуированы скрепляющие мировую правовую систему условные допущения и выставлены исторические счета всех ко всем, либо ее основные субъекты станут и дальше смотреть на правовые грехи друг друга сквозь пальцы.

Ну а если все-таки взглянуть на вещи не реально, а с точки зрения идеала, можно ли говорить о том, что преступления прошлого навсегда и безусловно стираются со всех без исключения правовых скрижалей? Полагаю, что нет. С позиций правового риторизма деликты остаются деликтами независимо от наличия должника, кредитора и суда. Тем более что большинство должников как раз налицо, в качестве государств — субъектов правопреемства.

Обращает на себя внимание асимметрия прав, которые государства охотно закрепляют за собой как само собой разумеющийся, передаваемый по цепочке поколений титул владения, и груза долгов и провинностей, которые они так же легко и безрефлексивно скидывают с себя. Хотя базисные принципы наследования вообще-то предполагают, что либо наследуются и права, и обязательства, либо ни то ни другое.

Возьмем, к примеру, испанское государство, прославившееся тем, что открыло эпоху колонизации Нового света. Если современное испанское государство выводит свое право на владение территорией “Испании” из того, что это право перешло к нему по цепочке правопреемства от испанского государства как исторически длящейся целостности, то по той же самой цепочке ему автоматически должно передаться и свойство надлежащего ответчика по гипотетическим искам о взыскании материальных и культурных ценностей, изъятых в свое время у ацтеков. Я не вижу никаких ингибиторов или “юридических полупроводников”, которые избирательно пропускали бы в данном случае права, но не обязательства.

Конечно, современные испанцы могут сказать, что “они не тот народ, который грабил ацтеков”, а потому и вопрос не к ним. Но сказанное было бы равнозначно заявлению о том, что они не по праву населяют эти земли: блокировав поток по цепочке правопреемства, они блокировали бы и легитимизирующее подтверждение своего титула владения “Испанией”, лишив себя значимого правового аргумента против тех, кто вдруг сочтет себя более нуждающимся и “попросит” их с этой территории. Таковая объективная логика права. Ее можно скрыть под вуалью “политического реализма” или указать на абсурдность вытекающих из нее следствий (“Ну, если сейчас все начнут выяснять: ‘А ты кто такой?’”), но сама логическая схема продолжает существовать.

ПРЕДСТОЯЩАЯ БОРЬБА ВОКРУГ ВЫБОРОВ

Отмеченная шаткость правовых оснований государственного устройства России может быть использована в предстоящей борьбе вокруг выборов не напрямую, а косвенно. Маловероятно, что, исходя из выявленных правовых изъянов, кто-то станет всерьез настаивать на недействительности нынешней Конституции, ее отмене и возврате в одно из прежних правовых состояний.

Вместе с тем нельзя не принимать в расчет то обстоятельство, что россияне воспринимают Конституцию не как “свою”, а скорее как предложенную в

чрезвычайных обстоятельствах Ельциным и пассивно принятую определенной частью населения. Поэтому общественное сознание открыто для воздействия аргументов относительно временности Конституции 1993 г. и допустимости ее изменения или даже принятия новой.

Представление о временности Конституции может быть использовано президентской стороной, стремящейся сохранить за собой власть. Будучи ставленником Ельцина, Путин вполне способен подхватить ту самую “добрую традицию”, в рамках которой и появилась действующая Конституция, т.е. выйти во внеправовое поле под предлогом чрезвычайных обстоятельств и адаптировать Конституцию к собственным нуждам, пообещав сложить победу к стопам парламента или какой-нибудь *ad hoc* созданной “народной палаты”, с тем чтобы потом благополучно забыть о своих посулах или превратить их в пустую формальность.

На временный и переходный характер Конституции теоретически должны были бы напирать и анти-путинские силы. Аргументов достаточно: она несет на себе отпечаток ельцинского правления, составлена наспех и под конкретную фигуру, не получила подлинного народного одобрения, не выразила и не предложила объединяющую национальную идею и т.д. Однако проблема в том, что анти-путинцы не могут позволить себе говорить о необходимости выработки и принятия новой Конституции до того, как более или менее успешно пройдут выборы и захватят реформаторскую инициативу. Если оппозиционеры попытаются использовать этот лозунг в предвыборной борьбе, власти предрекшие, встав в позицию ревностных защитников конституционности и права, тут же обвинят их в покушении на конституционный переворот. Все это, к сожалению, так, хотя в стратегическом плане определение дальнейшего пути движения страны через всенародное обсуждение проекта новой Конституции и проведение комплекса референдумов по ней было бы, как мне кажется, вполне уместным.

ким сдвигам, которые могут реализоваться в фазе революции международного рынка (предположительно она наступит в 2017 — 2041 гг.). В-третьих, в сложившихся условиях только серьезные политические и экономические катализмы способны стимулировать перестройку глобальных монополий, ставших тормозом на пути мирового социального и культурного развития, и разрушить тесно связанную с ними систему глобальной олигархии и манипулирования массовым сознанием посредством СМИ и информационных технологий. Другими словами, будущее не обещает России спокойной и безоблачной жизни, но оставляет широкое поле для ее геополитического самоопределения и осуществления более последовательной политической модернизации.

- Бжезинский З. 2004. *Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство*. М. Гельман В.Я. 2004. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? — *Полис*, № 4.
- Гельман В.Я. 2005. Уроки украинского. — *Полис*, № 1.
- Захария Ф. 2004. *Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами*. М.
- Кеннеди П. 1997. *Вступая в двадцать первый век*. М.
- Кондратьев Н.Д. 1989. *Проблемы экономической динамики*. М.
- Красильщиков В.А. 2001. Конец индустриальных модернизаций? — *Мегатренды мирового развития*. М.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. 2001. Волны политической модернизации в логике «противоцентра». — *Мегатренды мирового развития*. М.
- Мельвиль А.Ю. 2004. О траекториях посткоммунистических трансформаций. — *Полис*, № 2.
- Пантин В.И. 2004. *Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации*. М.
- Пастухов В.Б. 2005. Украина — не с Россией (Причины и последствия стратегических просчетов российской политики по отношению к Украине). — *Полис*, № 1.
- Умов В.И., Лапкин В.В. 1992. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ. — *Полис*, № 4.
- Флоровский Г. 1991. Евразийский соблазн. — *Новый мир*, № 1.
- Хантингтон С. 2003. *Третья волна. Демократизация в конце XX века*. М.
- Хаттон У. 2004. *Мир, в котором мы живем*. М.
- Хорос В.Г. 2000. Модернизация как общемировой процесс. — *Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность*. М.
- Чубарьян А.О. (ред.) 2004. *Цивилизации. Вып. 6: Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента*. М.
- Kennedy P. 1989. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. L.
- Watson A. 1992. *The Evolution of International Society*. L.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-03-03105а)

ИЗУЧЕНИЕ ХРОНОПОЛИТИКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

На отделении политологии философского факультета *МГУ им. М.В.Ломоносова* научным сотрудником факультета А.Л.Алошиным разработан курс «Хронополитика». С осеннего семестра 2003 г. «Хронополитика» читается в качестве обязательного кафедрального спецкурса или общеотделенческого курса по выбору для студентов 2-5 годов обучения. План курса включает 8 тем:

- Феномен времени. Физическое, биологическое, социальное время. Время как дление и сохранение прошлого в настоящем (по А.Бергсону). Специфика политического времени. Политическое время и политическое пространство. Хронополитика и геополитика. Хронополитика и политическое планирование и прогнозирование.
- Представления о времени в архаических, традиционных и современных обществах. От вечного круговращения к кумулятивности и ускоренности, от доминирования настоящего и культа прошлого — к ориентации на будущее, от незначимости времени — к подчиненности ему.
- Объективные темп и ритм социальных процессов. Различные темпоральные уровни процессов и их соподчиненность. Ускорение и замедление темпа. Цикл и смена поколений как базисные единицы. Ход реального политического времени и застывание юридического времени. Своевременность действия как императив практической политики. Различие временной перспективы в политическом самосознании монарха, избранного руководителя, революционера.
- Легитимация власти прошлым — сакрализация предков или основателей государства, настоящим — текущие благосостояние и успехи, или будущим — движение к высокой цели. Преобладание одного из типов легитимации и их взаимодополнительность.
- Структурирование и синхронизация временных отношений в обществе как реальная функция власти. Неправомерные претензии власти: ревизия прошлого, забвение настоящего, предустановление будущего. Навязывание властью обществу несвойственного ему темпа и рассогласование темпов и ритмов разных социальных подсистем.
- Сохранение идентичности и преемственности государств на фоне смены поколений и политических режимов. Исторические основания прав государств и народов на территории и природные богатства. Ответственность государств за совершенное в историческом прошлом. Связанность новых поколений решениями предыдущих. Историческая «карма» государства как бремя наследия деяний прошлых поколений. «Мины замедленного действия» в политике.
- Цивилизации, государства, народы как самостоятельные темпомиры. Несоответствие фаз и стадий их развития. Критерии «молодости» и «старости» народов и государств. Сосуществование различных темпомиров в одном обществе. Перспектива синхронизации мировых цивилизаций и утверждения единых политических стандартов. Проблема оценки действий политического субъекта, находящегося в одном темпомире, исходя из критериев и норм другого темпомира.
- Понятие нового в политике и открытость прошлого: вызывание из прошлого того, что резонирует с нынешними потребностями и условиями. Накопление общечеловеческого политического опыта как заполнение ячеек матрицы всех возможных форм политического общежития. Про-

блема обратимости или необратимости процесса политического цивилизирования.

Е.Н.Моцелков

Подготовка специалистов-политологов в *МГИМО(У) МИД РФ* завершается интенсивным освоением проблематики современного политического развития. Сотрудниками кафедры сравнительной политологии, а также приглашенными специалистами разработан специальный комплекс учебных курсов, позволяющий знакомить студентов с политическими процессами различных масштабов и уровней — от групповых до глобальных. Комплекс включает в себя следующие курсы: “Стратегии мирового и национального развития: сравнительный анализ” (проф. М.В.Ильин); “Хронополитика в исследованиях мировой политики” (преп. И.А.Чихарев); “Новейшие тенденции развития мировой и отечественной экономики” (проф. В.Л.Иноземцев), “Внешнеполитические стратегии России в XVIII — XX вв.” (преп. Б.В.Межуев), “Современная демократия” (проф. В.М.Сергеев), “Ритмы и циклы историко-политического процесса” (проф. В.И.Пантин), “Стратегии постиндустриальных трансформаций” (преп. Д.Н.Песков).

Концептуальную основу рассматриваемого комплекса составляют три “магистральных” курса, разработанных И.А.Чихаревым, М.В.Ильиным и В.И.Пантиным.

Главные задачи курса “Хронополитика в исследованиях мировой политики” — сформировать у студентов общее понимание хронополитики, ее методологических основ, роли и функций в политической науке; дать представление о развитии хронополитического знания и его современном состоянии; подготовить будущих специалистов к использованию хронополитических подходов в исследовании теоретико-методологических и прикладных аспектов мировой политики.

Курс состоит из 12 тем:

- Понятие хронополитики. Роль и функции хронополитики в современном политическом знании.
- Методологические основы хронополитических исследований.
- Исследования мировой политики: предмет и проблематика.
- Основные хронополитические концепции. Структура хронополитического знания.
- Исторические и общенаучные предпосылки хронополитики.
- Хронополитические концепции мирового политического процесса.
- Хронополитика и политический процесс в России.
- Соотношение геополитики и хронополитики.
- Хронополитика в теории мировой политики.
- Хронополитика в изучении мировых политических институтов и процессов.
- Прикладные хронополитические исследования.
- Перспективы развития хронополитических исследований.

Цель курса “Стратегии мирового и национального развития: сравнительный анализ” — сформировать у студентов целостное представление о феномене современной политики и ее динамике, дать понимание закономерностей и факторов современного политического развития, его принципов и основных стратегий сознательного воздействия на развитие.

Курс состоит из 10 тем:

- Развитие как качественная характеристика Модерна. Императив контроля над развитием и формирование мировой политики.
- Ранний Модерн. Стратегии формирования “заповедников развития” и “старого” европейского империализма.

- Средний Модерн. Реформаторские и революционные стратегии развития, “новый империализм”.
- Переход к Зрелому Модерну. Вильсоновская стратегия мировой демократизации и первая волна демократизации.
- Альтернативные стратегии развития. Тоталитарные и паратоталитарные проекты развития.
- Стратегия мирового развития посредством ООН. Вторая волна демократизации.
- Новое поколение альтернативных стратегий развития. Деколонизация и движение неприсоединения.
- Стратегии глобального развития. Третья волна демократизации.
- Новейшее поколение альтернативных стратегий развития. Антиглобализм и альтерглобализм.
- Альтернативы развития в мировой политике XXI в. Перспективы контроля над развитием.

Главные задачи курса “Ритмы и циклы историко-политического процесса” заключаются в том, чтобы познакомить студентов с основными концепциями нелинейного протекания политических процессов и поступательно-волнообразного политического развития и продемонстрировать применимость теоретических представлений о волнах политического развития при анализе процессов политической модернизации, демократизации, трансформации поставторитарных политических режимов.

Курс состоит из 8 тем:

- Нелинейность политического развития. Общее представление о ритмах и циклах историко-политического процесса.
- Основные понятия современных циклически-волновых концепций.
- Факторы и механизмы возникновения ритмов и колебаний в политическом развитии.
- Взаимодействие линейно-поступательного и циклически-волнообразного развития в политике. Критические точки и периоды в эволюции политических систем.
- Кондратьевские циклы и их значение для историко-политических исследований. Эволюционные циклы международной политической системы.
- Волны политической модернизации.
- Циклы и волны политического развития США.
- Прогностическое значение ритмов и циклов историко-политического процесса.

Кафедра сравнительной политологии рассматривает подготовку комплекса как важный шаг на пути развития политологической школы МГИМО(У). В настоящее время готовится издание материалов комплекса. С отдельными программами можно ознакомиться на сайте МГИМО(У) www.mgimo.ru.

М.Г.Миронюк

Учредители:	НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО "РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ПОЛИС" ("ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ")", ИНСТИТУТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ РАН, ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ "РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ"
Политический директор:	И.К. ПАНТИН
Международный консультативный совет:	И.К. ПАНТИН, А. БРАУН, Б. ВИТТРОК, Г.Г. ВОДОЛАЗОВ, В.А. ГУТОВ, М.В. ИЛЬИН, И.М. КЛЯМКИН, В.С. ЛАРСЕН, А.Ю. МЕЛЬВИЛЬ, М. МЕНДРАС, В.В. МИРОНОВ, Х. ОЛКЕР, М.П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКАЯ, Ю.С. ПИВОВАРОВ, В.И. ПОЛОХАЛО, Р. САКВА, А.М. САЛМИН, А.А. СЕРГУНИН, А. СТЕПАН, Л.А. ФАДЕЕВА, Ф. ШМИТТЕР
Редакционная коллегия:	М.В. ИЛЬИН, Т.А. АЛЕКСЕЕВА, Л.Е. БЛЯХЕР, О.Ю. БОЙЦОВА, Л.А. ГАЛКИНА, В.Я. ГЕЛЬМАН, А.А. ДЕГТЯРЕВ, Б.Г. КАПУСТИН, А.С. КУЗЬМИН, В.В. ЛАПКИН, М.М. ЛЕБЕДЕВА, Е.В. ЛОБЗА, О.Ю. МАЛИНОВА, Б.В. МЕЖУЕВ, Е.Н. МОЩЕЛКОВ, И.К. ПАНТИН, В.Б. ПАСТУХОВ, С.В. ПАТРУШЕВ, Я.А. ПЛЯЙС, В.М. СЕРГЕЕВ, Л.В. СМОРГУНОВ, А.И. СОЛОВЬЕВ, Е.Б. ШЕСТОПАЛ, Т.В. ШМАЧКОВА
Главный редактор:	М.В. ИЛЬИН
Редакция:	Г.А. АБРАМОВ, Л.А. ГАЛКИНА (первый зам. главного редактора), Л.Н. КУЗНЕЦОВА, Е.В. ЛОБЗА, А.Л. СИДОРОВ

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в журнале материалов обращаться в Редакцию.

© "Полис" ("Политические исследования"), 2005

ПОЛИС

3 2005

Страницы журнала открыты для дискуссионных материалов, поэтому его содержание не обязательно отражает точку зрения Учредителей и Редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

Представляю номер.....	4
ТЕМА НОМЕРА: ВРЕМЯ ПОЛИТИКИ	
М.В. Ильин. Феномен политического времени	5
И.А. Чихарев. Хронополитика: развитие исследовательской программы.....	21
Е.Г. Пономарева. Хронополитическое измерение модернизационных процессов в современной Сербии	34
В.В. Лапкин, В.И. Пантин. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России	44
Изучение хронополитики в отечественной высшей школе	59
ТЕЗАУРУС	
Дж. Модельски. Эволюция мировой политики (I).....	62
ИНТЕРПРЕТАЦИИ	
А.Л. Алюшин. Разрывы правовой преемственности в истории России XX в.	83
В.Д. Нечаев. Децентрализация, демократизация и эффективность (Реформа федеративных отношений и местного самоуправления через призму теории эффективной децентрализации)	92
РОССИЯ СЕГОДНЯ	
М.-Р. Ибрагимов, К. Мауузато. Чужой, но лояльный: причины "нестабильной стабильности" в Дагестане	102
А.В. Кынев. В ожидании нового электорального предложения (Выборы региональных законодательных собраний конца 2004 — начала 2005 г.)	116
В.В. Кондрачук. Государственное влияние на развитие малого бизнеса: во зло или во благо?	131
СОЦИУМ И ВЛАСТЬ	
Е.Б. Шестопап. Новые тенденции восприятия власти в России.....	137
Публичная политика в России.....	152
DI XI!	
О.В. Гаман-Голутвина. О столкновении морального и нравственного начал в российской политике	163
Ю.Г. Юшкова-Борисова. Россия и ее население	172
Хроника политической науки	182
Аннотации на английском языке	186
Содержание на английском языке.....	191